

С. Б. Вальчак

Развитие одного из мотивов орнаментации керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н. э.

Keywords: Northern Caucasus, Koban culture, Early Iron Age, ceramics, ornament, burial grounds, chronology.

Cuvinte cheie: Caucazul de Nord, cultura Koban, fierul timpuriu, ceramică, ornament, necropole, cronologie.

Ключевые слова: Северный Кавказ, кобанская культура, ранний железный век, керамика, орнамент, могильники, хронология.

S. B. Valchak

The Development of One of the Ornamental Motives on the Koban Culture Ceramics at the Beginning of the 1st Millennium BC

The article studies funeral complexes with decorated vessels belonging to the western variant of the Koban culture, particularly the vessels with one of many ornamental patterns representing lines on surface scratched by nail or a stick, or representing finger imprints. The author suggests a typology of such vessels and analyzes forty burials with such vessels, made in pits or stone boxes. He also considers three complexes with similar ceramics located outside the main area of the Koban culture, as well as materials of some settlements and stray finds. He uses materials from burials to build a chronological distribution of the latter and outlines development of forms of vessels with the studied ornamental pattern.

S. B. Valchak

Evoluția unuia dintre motivele ornamentale de pe ceramica culturii Koban la începutul mileniului I î.Hr.

Articolul reprezintă analiza complexelor funerare cu ceramică ornamentată din cadrul variantei de vest a culturii Koban. Este studiat unul dintre multele motive ornamentale — șiruri din impresiuni în formă de linii scurte pe suprafața vasului, aplicate cu unghia, obiect ascuțit din lemn sau degetul. Este prezentată tipologia vaselor și analiza a 40 de morminte, realizate în gropi sau cutie din piatră. Analiza include și trei complexe cu ceramică similară, descoperite în afara arealului de bază al culturii. Sunt atrase și materialele de pe câteva așezări, precum și descoperiri fortuite. În baza materialelor din complexe funerare este sugerată distribuția lor cronologică și schițată evoluția formelor vaselor cu decor de acest tip.

С. Б. Вальчак

Развитие одного из мотивов орнаментации керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н. э.

Статья посвящена анализу погребальных комплексов с орнаментированными сосудами западного варианта кобанской культуры. Рассматриваются сосуды с одним из многих мотивов орнамента, который представляет собой ряды вдавленных на поверхности сосуда в виде черточек, сделанных ногтем, палочкой или представляющие собой пальцевые вмятины. Предложена типология сосудов с данным типом орнамента. Проведен анализ 40 погребений с такими сосудами, совершенных в ямах или каменных ящиках. Также рассмотрены три комплекса с подобной керамикой, находящиеся за пределами основного ареала культуры, использованы материалы некоторых поселений и случайные находки. На основании материалов из погребений предложено их хронологическое распределение и намечено развитие форм сосудов с рассматриваемым мотивом орнамента.

Изучение керамического комплекса кобанской культуры Северного Кавказа конца эпохи бронзы — начала раннего железного века в прошедшие четыре десятилетия в основном формировалось и формируется на основании отдельных статей, обобщающих публикаций

и монографий В. И. Козенковой (Козенкова 1989: 89—113, табл. XXX—XLI; 1996; 2004: 93, 135—148; там же см. библиографию).

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы происхождения и развития одного из орнаментов на керамике кобанской куль-

туры. Варианты такого орнамента: «короткие косые насечки, ногтевые, пальцевые и семечковидные вдавления» — являются одной из характерных особенностей керамики Кисловодской котловины и вообще характерны для ареала западного варианта кобанской культуры. Такой орнамент отмечен в основном на «корчагах» и горшках, которые являются сосудами тарно-хозяйственного назначения, они отличаются грубой лепкой и шероховатой поверхностью (Козенкова 1989: 66—68, рис. 8; 1998: 90, 91, табл. XXX). Орнамент этот встречается на различных частях разнообразных по форме сосудов: венчиках, горле и тулове. Характеризуя категорию «горшки» из раскопок на поселении Подкумский Мост в Кисловодске, С. Л. Дударев описывает такой орнамент следующим образом: «На венчике и проходящем под ним валике нередко нанесены крупные, реже мелкие, вдавливания в виде ногтевидного орнамента, сделанные палочкой-штампом, нарезная насечка, либо пальцевые вмятины. ... Корпус горшков чаще всего украшен рядами ногтевидного или семечковидного орнамента, который сочетается с каннелюрами, нарезными полосками, волнистой линией. На тулове сделаны и ряды крупных вдавлений, нанесённых круглым или овальным штампом. Ногтевидные и семечковидные вдавления нанесены, как правило, наклонно, но есть фрагменты сосудов, на которых они сочетаются с такими же вдавливаниями, но сделанными горизонтально» (Дударев 2007: 149, 158). Читать это определение сложно, но приведенная цитата отражает практически все встречаемые особенности орнамента сосудов тарного и хозяйственного назначения кобанской культуры в начале раннего железного века. Конечно, есть и исключения, но очень немногочисленные. Такой орнамент встречается на различных типах «кухонных» сосудов, изредка и на «столовой» керамике, с другой технологией обработки поверхности (лощением).

В данной статье, в основном, хотелось бы рассмотреть комплексы с сосудами, которые имеют на тулове орнаментацию в виде некоторого количества горизонтальных рядов ногтевых вдавлений, произведенных мастером-изготовителем. Присоединяясь к мнению В. И. Козенковой, считаю, что это наиболее характерная и отличительная особенность орнамента многих сосудов западного варианта кобанской культуры. Подобный орнамент практически не встречается в ареалах центрального и восточного вариантов кобанской культуры (от восточных районов нынешних Кабардино-Балкарии до Ингушетии,

Чечни, Дагестана, есть редчайшие исключения), как и в протомеотской группе памятников Северо-Западного Кавказа (от бассейна Нижней Кубани до западных районов Карачаево-Черкесии) (Козенкова 1989: рис. 8; 1996: 62—73, рис. 26). Для степных памятников начала I тыс. до н.э., такой орнамент и вовсе не характерен.

Данная работа не является сводом всей совокупности керамики с подобной орнаментацией. Было отобрано несколько десятков погребальных комплексов, которые, как представляется, достоверно отражают развитие рассматриваемого орнамента во времени.

Если учесть более чем столетнюю историю изучения артефактов кобанских древностей, удивительным обстоятельством является отсутствие глубоких и ранжированных во времени классификаций керамики того хронологического диапазона, который соответствует периоду от IX до 1-й половины VII в. до н.э. При наличии нескольких сотен археологически целых форм сосудов в любом из регионов Северного Кавказа, исследователи пользуются сегодня лишь обобщающими работами В. И. Козенковой. Это при том, что в публикациях этого специалиста неоднократно обращалось внимание на необходимость дальнейшей разработки именно этого направления. Системной является лишь работа В. Е. Маслова, но в ней рассматривается керамика более позднего времени — VII—V вв. до н.э. (Маслов 1997).

В связи с этим в данной статье можно предложить лишь предварительную типологию сосудов с упомянутым орнаментом и её хронологическое ранжирование.

Пригодные для классификации археологически целые формы происходят в подавляющем большинстве из грунтовых могильников предгорной и горной зон Северного Кавказа. Сосуды из поселений сильно фрагментированы и редко составляют реконструируемые формы, но количество их фрагментов в памятниках западного варианта кобанской культуры свидетельствует о широком распространении рассматриваемых вариантов орнамента (Козенкова 1989: табл. III—VIII; XI; XIII—XVIII; XX). Все рассматриваемые сосуды лепные, часто имеют значительные отличия метрических параметров в рамках одного типа или варианта, поскольку происходят из разных комплексов и различных памятников. Для их классификации более важным представляется пропорциональное соотношение основных параметров: высоты, максимального диаметра, диаметров венчика и дна.

Типы сосудов

Сосуды тарно-хозяйственного назначения. Большинство известных археологически целых форм относятся к одному типу. Они лепные, несколько отличаются размерами. Иногда их называют «корчагообразными» или «корчагами» (Козенкова 1998: 90; Дударев 2004: 37).

Тун 1. Это довольно крупные округло-биконические формы высотой около 20—40 см с максимальным расширением тулова в средней части, диаметр которой практически равен высоте сосуда. Горло короткое, венчик отогнут и обычно имеет закруглённый край. Дно плоское. Диаметр венчика составляет немногим более половины максимального диаметра тулова, а диаметр дна — заметно менее половины максимального диаметра. Таким образом, максимальное расширение тулова оказывается визуально подчёркнутым, а сам сосуд вписывается в куб. Представляется, что сосуды подобной формы служили для хранения или приготовления пищи.

Орнамент в виде ногтевых вдавлений и насечек покрывает практически всё тулово, оставляя свободными участки горла и у дна. Иногда насечками покрыт край венчика, в одном случае отмечен валик с насечками под горлом.

Такие сосуды найдены в п. 17 мог. Берёзовский 1, п. 11 мог. Клин-Яр I, п. 1 мог. Лермонтовская скала 2, п. 4 мог. Эчкивашский (Рунич 1963: 3, рис. 1: 5; 2: 17—22; 1964: 8, 9, рис. 8: 3—10; 1966: 20, рис. 24; 1970: 3, рис. 3: 19—28), есть они и среди случайных находок на мог. Султангорский 1 (Рунич 1964: 3, рис. 2: 2) (рис. 1; 2: 1, 2, 4).

Тун 2. В этот тип достоверно можно включить один сосуд, имеющий шаровидную форму тулова, короткое горло и отогнутый венчик. Высота сосуда — 24 см, диаметр венчика — 18,5 см, соотношение параметров такое же, как и у типа 1. Он был найден в каменном ящике 1 Каменномоетского могильника в Кабарде (Гриневиц 1951: 130, рис. 1) (рис. 3: 1). По всей вероятности, подобный же сосуд происходит из внекомплексных находок в каменных ящиках на могильнике санатория КСУ в Кисловодске. Все перечисленные могильники находятся в г. Кисловодске или его окрестностях. Б.Е. Деген упоминал в своей статье ещё о некоторых подобных сосудах (Деген 1941: 287, табл. XX: 1) (рис. 2: 3).

Вполне вероятно, что вторым вариантом этого типа являются сосуды округло-биконических форм и меньших размеров, но близких пропорций, высотой 15—20 см. Такой сосуд

происходит из п. 6 к.1 у пос. Садовый в степной зоне Северной Осетии (Козенкова и др. 1997: 14—18, рис. 1). Явление это — одно из уникальных, поскольку находка встречена вне основного ареала сосудов с рассматриваемым орнаментом, к тому же во впускном курганном погребении (рис. 3: 2).

Тун 3. Известен только один археологически целый сосуд, поэтому он может считаться редкой формой. Впрочем, вероятно, многочисленные находки на поселениях западного варианта кобанской культуры могут быть фрагментами таких форм.

Сосуд из п. 1 мог. Султангорский 3 отличается максимальным диаметром тулова в верхней трети высоты, очень широким наружным диаметром венчика и отсутствием выраженной горловины (Рунич 1966: 4, рис. 4: 1—11). Кроме ногтевого орнамента, заполняющего практически всю поверхность тулова, под венчиком и на плечиках имеются четыре врезные линии, которые образуют три псевдовалика (рис. 3: 3).

Горшки. Очевидно, что это сосуды кухонного назначения, которые предназначались для приготовления пищи. Все сосуды этой категории лепные, при общем сходстве форм и параметров отличаются некоторым разнообразием, которое позволяет выделить несколько вариантов.

Тун 1. Горшки имеют округло-биконическую форму с максимальным расширением в середине или верхней трети тулова. Горло невысокое, венчики обычно отогнуты слабо и закруглены на крае. Дно плоское. Высота сосудов, как правило, превышает максимальный диаметр тулова. По соотношению основных параметров могут быть разделены на четыре варианта.

Вариант 1. Основной отличительной чертой является то, что наружный диаметр венчика несколько шире максимального диаметра тулова, который обычно расположен в верхней трети высоты горшка. Край венчика закруглён (4 экз.). Орнамент ногтевидный или в виде насечек в несколько горизонтальных рядов (Белореченский 2, п. 13), здесь же имеется и сосуд с расчленённым валиком под губой венчика (рис. 4: 3). В двух случаях насечки разделены врезными горизонтальными линиями по тулову (Берёзовский 6, п. 1 и Берёзовский 1, п. 22). В одном случае под венчиком имеется гладкий валик, а тулово покрыто горизонтальными рядами пальцевых вдавлений (Белореченский 2, п. 31) (Рунич 1963: рис. 3: 64: 13—15; 1966: 10, рис. 13: 1—12; Дударев 2004: рис. 7: В, 1—3; 25: А, 1—6) (рис. 4: 1, 2; 5: 1).

Рис. 1. Сосуды тарно-хозяйственного назначения, тип 1: 1 — мог. Эчкиваш, п. 4 (по Рунич 1970: рис. 3: 19—28); 2 — мог. Лермонтовская скала 2, п. 1 (по Рунич 1966: рис. 24).

Fig. 1. Household vessels and containers, type 1: 1 — bur. Echivash, gr. 4 (after Рунич 1970: рис. 3: 19—28); 2 — bur. Lermon-tov's Rock 2, gr. 1 (after Рунич 1966: рис. 24).

Вариант 2. Наружный диаметр венчика больше максимального диаметра тулова. Высота сосуда практически равна его максимальному диаметру, который расположен в середине тулова, из-за чего сосуды имеют приземистые пропорции. Такие сосуды най-

дены в п. 8 и 13 могильника Берёзовский 1. Орнамент — три-четыре ряда насечек на тулове (Рунич 1962: 13, 14, табл. 12: 9, 10; 13: 3; 1963: 1, 2, рис. 1: 2; 2: 3—6) (рис. 5: 2, 3). Ещё один сосуд найден в п. 18 мог. Белореченский 2 и отличается тем, что ряды насечек

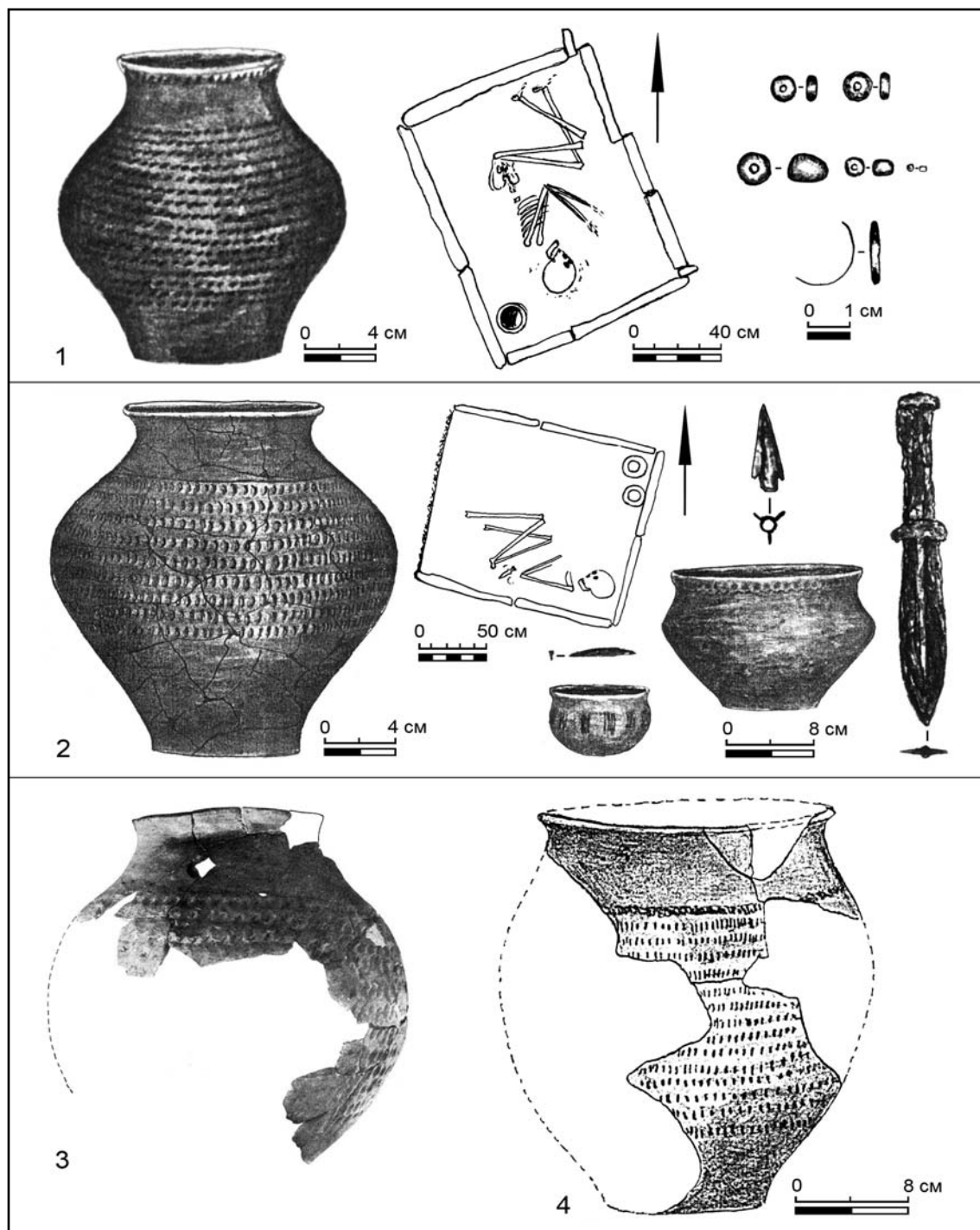

Рис. 2. Сосуды тарно-хозяйственного назначения, тип 1 (1, 2, 4) и тип 2 (3): 1 — мог. Клин-Яр I, п. 11 (по Рунич 1964: рис. 8: 3—10); 2 — мог. Берёзовский 1, п. 17 (по Рунич 1963: рис. 1: 5); 3 — мог. санатория КСУ в Кисловодске, фото без масштаба (по Деген 1941: 287, табл. XX: 1); 4 — мог. Султангорский 1, разрушенное погр. (по Рунич 1964: рис. 2: 2).

Fig. 2. Household vessels and containers, type 1 (1, 2, 4) and type 2 (3): 1 — bur. Klin-Yar I, gr. 11 (after Рунич 1964: рис. 8: 3—10); 2 — bur. Berezovskiy 1, gr. 17 (after Рунич 1963: рис. 1: 5); 3 — bur. Sanatorium KSU in Kislovodsk, unscaled photo (after Деген 1941: 287, табл. XX: 1); 4 — Sultangorskii 1, destroyed bur. (after Рунич 1964: рис. 2: 2).

на тулове разделены волнистыми валиками (Дударев 2004: рис. 13) (рис. 6: 1).

Вариант 3. Наружный диаметр венчика равен максимальному диаметру тулова. Высота сосуда обычно больше его мак-

симального диаметра, который расположен в верхней трети высоты горшка или в середине тулова, из-за чего сосуды имеют удлинённые пропорции. Такие сосуды найдены в п. 10, 19 и 30 мог. Кисловодской мебельной

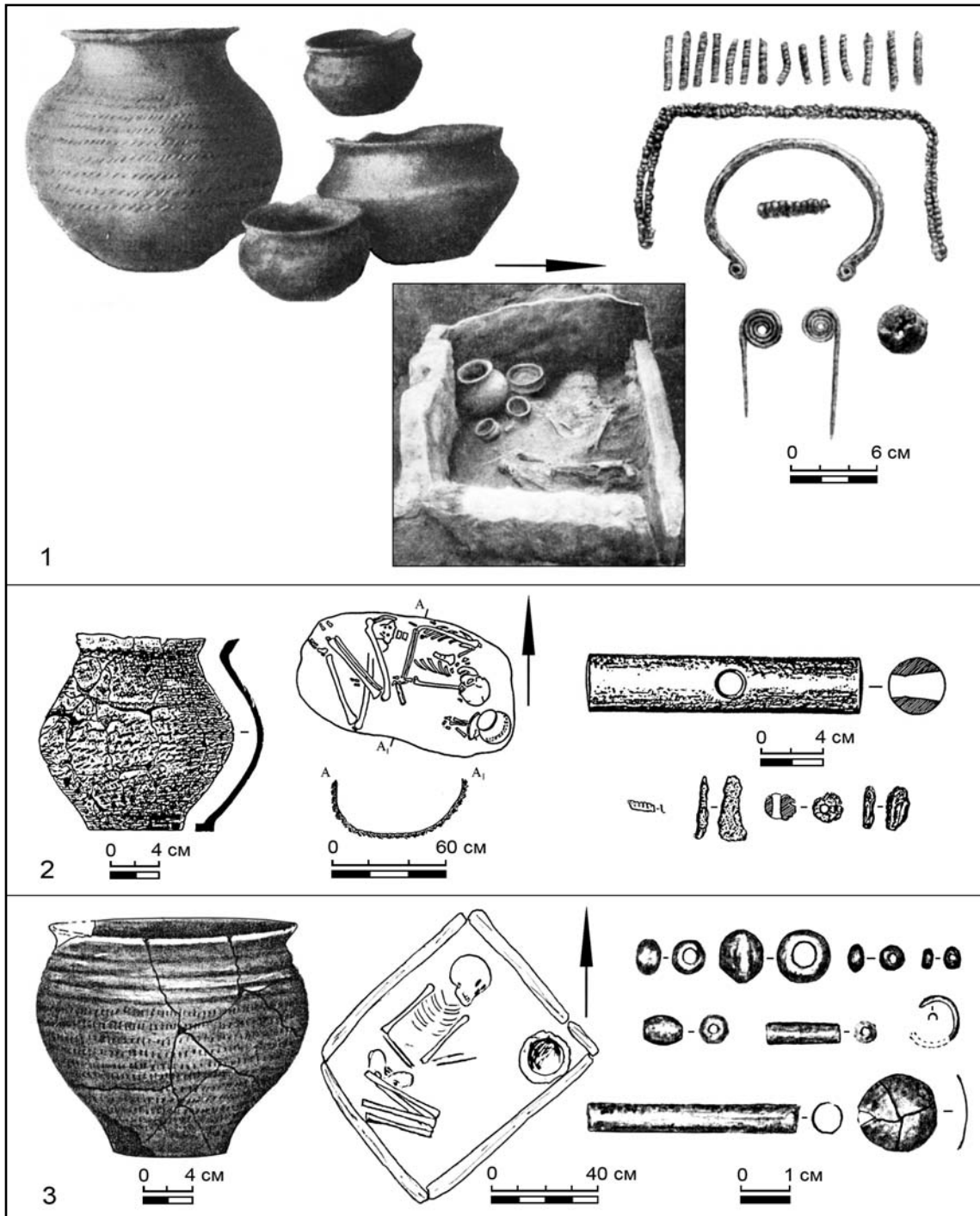

Рис. 3. Сосуды тарно-хозяйственного назначения, тип 2 (1, 2) и тип 3 (3): 1 — мог. Каменноостский, кам. ящ. 1, фото без масштаба (по Гриневич 1951: 130, рис. 1); 2 — Садовый, к.1, п. 6 (по Козенкова и др. 1997: рис. 1); 3 — мог. Султангорский 3, п. 1 (по Рунич 1966: рис. 4: 1—11).

Fig. 3. Household vessels and containers, type 2 (1, 2) and type 3 (3): 1 — bur. Kamennomostsky, gr. 1, photo without scale (after Гриневич 1951: 130, рис. 1); 2 — bur. Sadovy, barrow 1, gr. 6 (after Козенкова и др. 1997: рис. 1); 3 — bur. Sultangorskiy 36, gr. 1 (after Рунич 1966: рис. 4: 1—11).

фабрики 1, п. 2 мог. Берёзовский 5 (Рунич 1959: 6, 7, рис. IX: 6; X: 9—11; 1970: 4, рис. 6: 1—6; 1971: 5, 6, рис. 7: 18—28; 1963: 5, рис. 3: 5; 4: 12) (рис. 6: 2; 7: 2; 8: 1, 3) а также на поселении Кабардинка 2 (Белинский и др. 2009: 197, 198, рис. 14: 8) (рис. 9: 1).

Но есть и исключения. Например, у горшков из п. 1 мог. у Кисловодского железнодорожного вокзала, п. 32 мог. Кисловодской мебельной фабрики 1 и п. 25 мог. Белореченский 2 высота практически равна максимальному диаметру тулова (Рунич 1962: 17, рис. 14: 9—11;

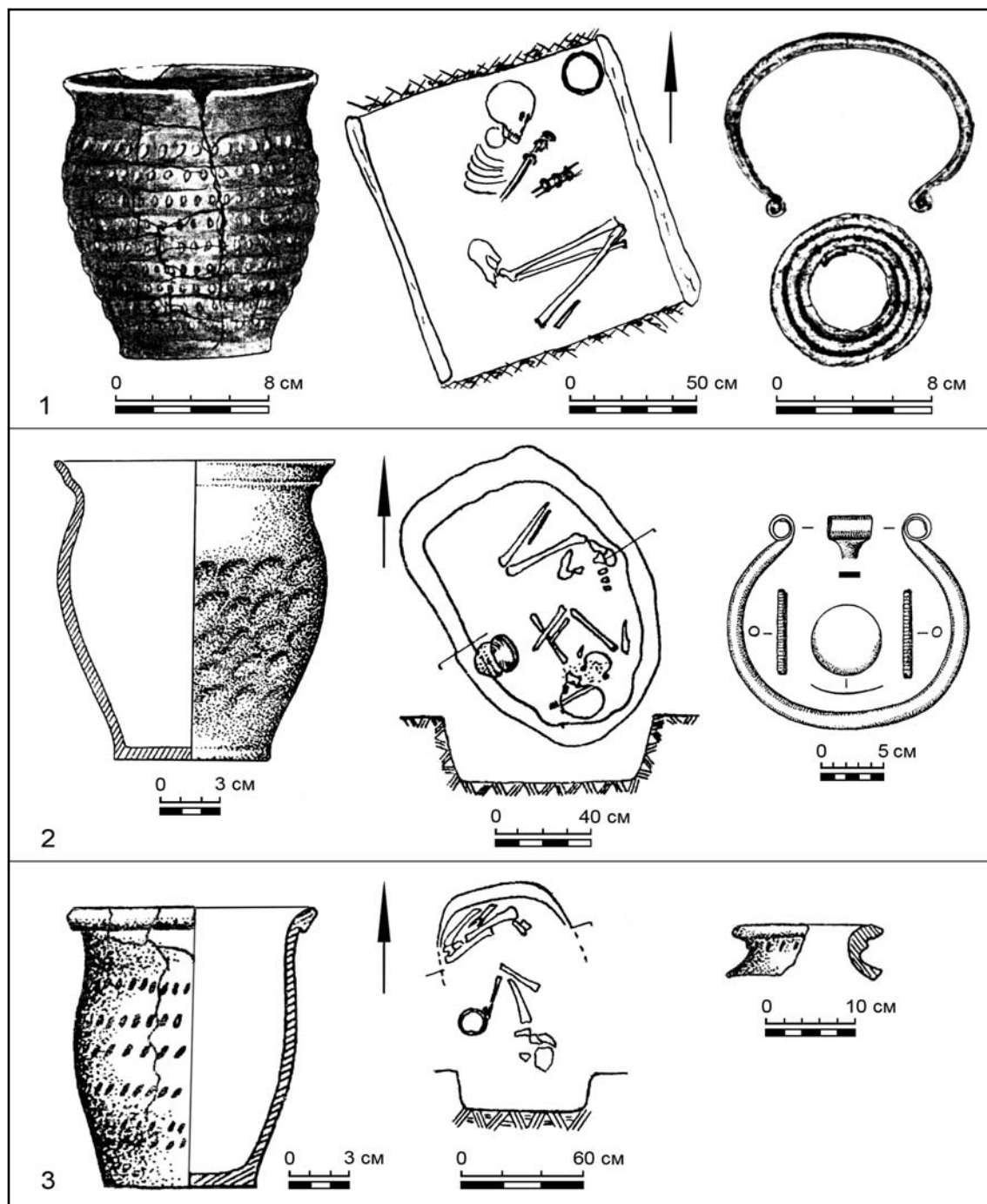

Рис. 4. Горшки, тип 1, вариант 1: 1 — мог. Берёзовский 6, п. 1 (по Рунич 1963: рис. 3: 13—15); 2 — мог. Белореченский 2, п. 31; 3 — мог. Белореченский 2, п. 13 (по Дударев 2004: рис. 7: В, 1—3; 25: А, 1—6).

Fig. 4. Pots, type 1, variant 1: 1 — bur. Berezovskiy 6, gr. 1 (after Рунич 1963: рис. 3: 13—15); 2 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 31; 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 13 (after Дударев 2004: рис. 7: В, 1—3; 25: А, 1—6).

1971: 6, рис. 8: 8—18а; Дударев 2004: рис. 19) (рис. 7: 1, 3).

Орнаментальные композиции — это ногтевые вдавления, насечки палочкой, которые обычно в несколько горизонтальных рядов покрывают большую часть тулова горшка, оставляя неорнаментированные участки на венчике, горле и у дна. В нескольких слу-

чаях вдавления и насечки имеются на венчике (рис. 8). Горшок из п. 10 мог. Кисловодской мебельной фабрики 1 на горле имеет врезные линии, которые образуют два псевдо-валика (рис. 6: 2).

Вариант 4. Наиболее многочисленный вариант. Наружный диаметр венчика несколько меньше максимального диаметра туло-

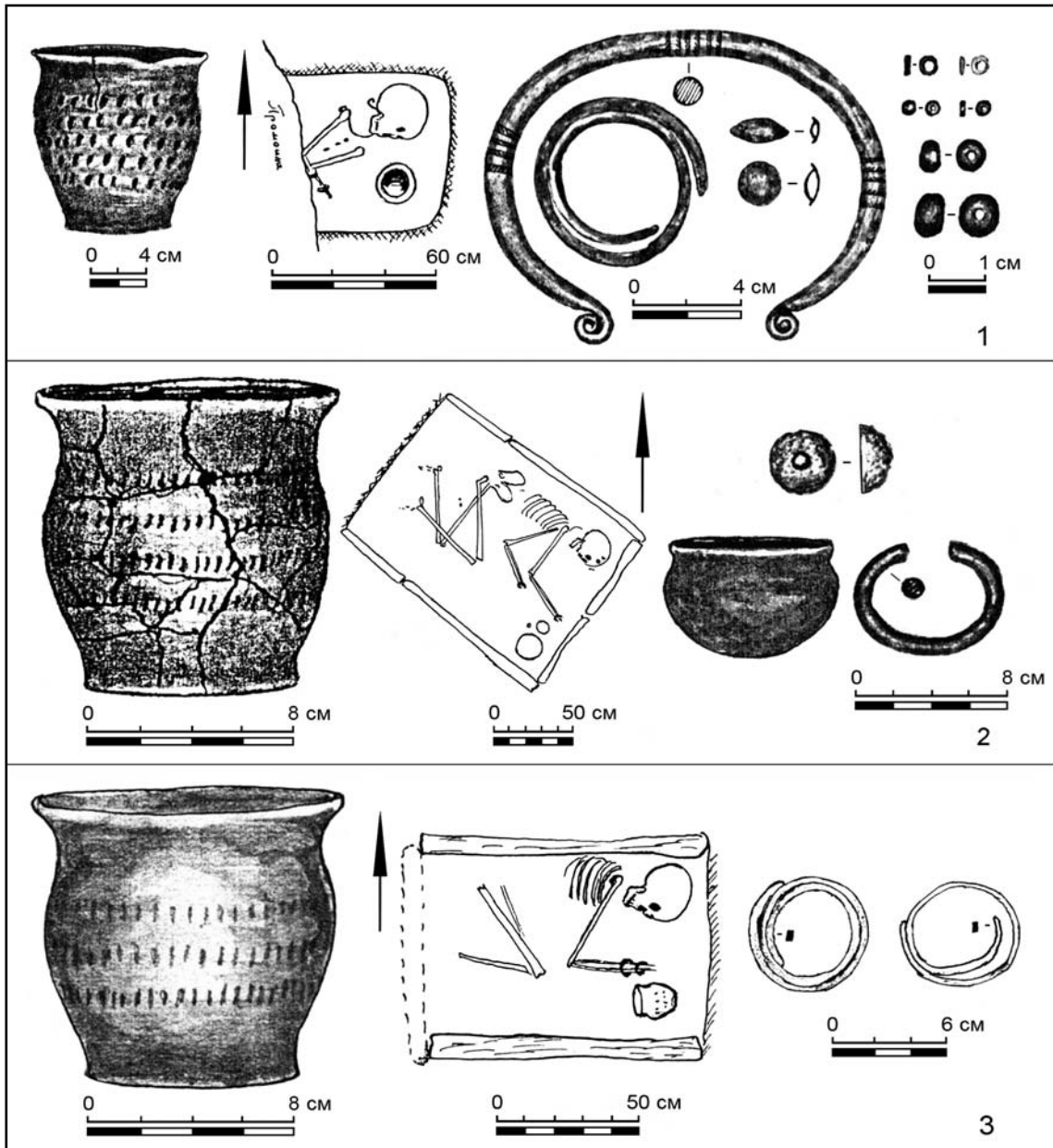

Рис. 5. Горшки, тип 1, вариант 1 (1) и вариант 2 (2, 3): 1 — мог. Берёзовский 1, п. 22 (по Рунич 1966: рис. 13: 1—12); 2 — мог. Берёзовский 1, п. 13 (по Рунич 1963: рис. 1: 2; 2: 3—6); 3 — мог. Берёзовский 1, п. 8 (по Рунич 1962: табл. 12: 9, 10; 13: 3).

Fig. 5. Pots, type 1, variant 1(1) and variant 2 (2, 3): 1 — bur. Berezovskiy 1, gr. 22 (after Рунич 1966: рис. 13: 1—12); 2 — bur. Berezovskiy 1, gr. 13 (after Рунич 1963: рис. 1: 2; 2: 3—6); 3 — bur. Berezovskiy 1, gr. 8 (after Рунич 1962: табл. 12: 9, 10; 13: 3).

ва. Высота сосуда обычно больше его максимального диаметра, который расположен в верхней трети высоты горшка или в середине тулова, из-за чего сосуды имеют удлинённые пропорции. Такие сосуды найдены в п. 4, 6, 9, 10, 23, 26 мог. Белореченский 2 (Рунич 1973: 10—12; Дударев 2004, рис. 3, А, 1—5; 4, А, 1—15; 5, А, 1—11, В, 1—6; 17, В, 1—11; 20), а также в п. 7 мог. Эчкиващ и п. 12 мог. Берёзовский 1 (Рунич 1966: рис. 25: 17—19; 1963: 1, рис. 1: 1; 2: 12) (рис. 9: 2, 3; 10; 12). И здесь имеются исключения, ког-

да высота практически равна максимальному диаметру тулова: п. 6 мог. Эчкиващ, п. 7 мог. Индустрия 1, п. 34 мог. Белореченский 2 (Рунич 1966: 25: 11—16; Афанасьев, Козенкова 1981: 168, 174, рис. 5: 15; Дударев 2004: рис. 28) (рис. 11), горшок из разрушенных погребений мог. Кисловодской мебельной фабрики 1 (Рунич 1971: 9, рис. 14: 25).

Многочисленные отступления от канонических и отличия в деталях могут рассматриваться как отсутствие строгой стандартизации лепных форм. Конечно же, предлагаемая типо-

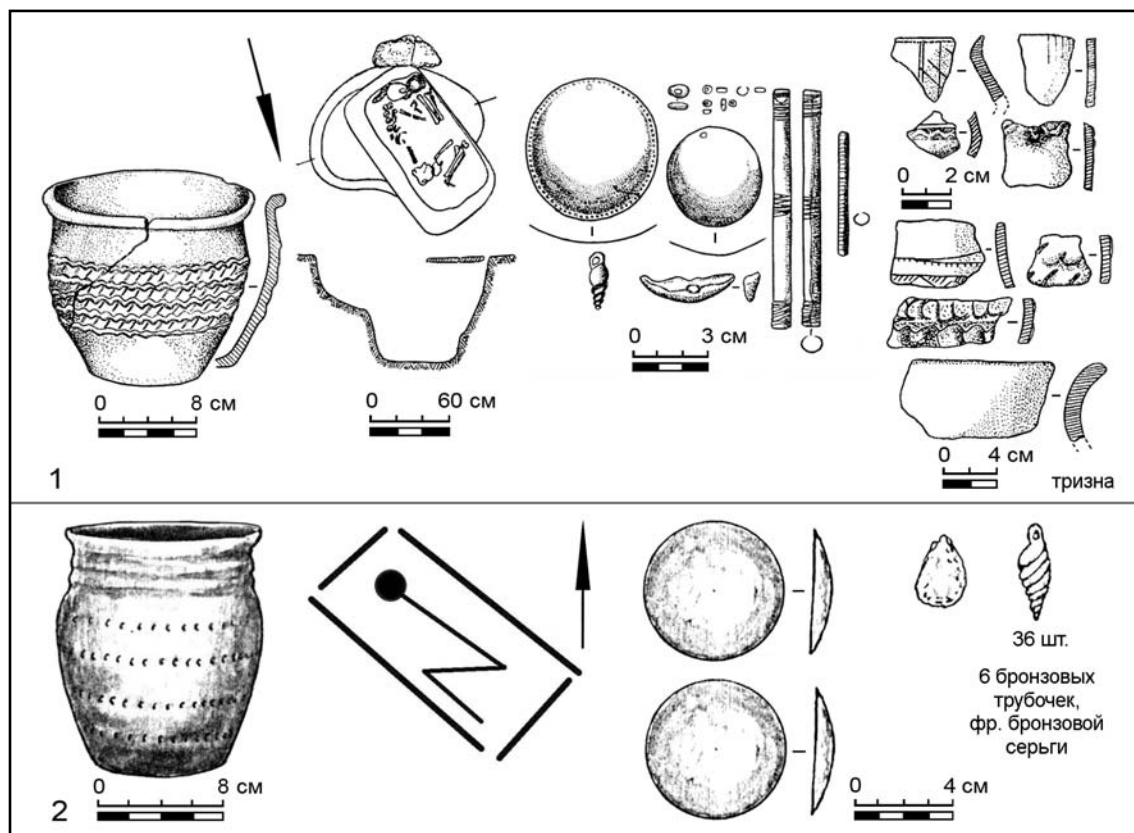

Рис. 6. Горшки, тип 1, вариант 2 (1) и вариант 3 (2): 1 — мог. Белореченский 2, п. 18 (по Дударев 2004: рис. 13); 2 — мог. Кисловодской мебельной фабрики 1, п. 10 (по Рунич 1959: рис. IX: 6; X: 9—11).

Fig. 6. Pots, type 1, variant 2 (1) and variant 3 (2): 1 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 18 (after Дударев 2004: рис. 13); 2 — bur. Kislovodsk furniture factory 1, gr. 10 (after Рунич 1959: рис. IX: 6; X: 9—11).

логия нуждается в дальнейшем уточнении на основе большего количества находок.

Орнаментальные композиции — это ногтевые или пальцевые вдавления, насечки палочкой, которые покрывают большую часть тулова горшка, оставляя неорнаментированные участки на венчике, горле и у дна. Иногда ряды вдавлений и насечек разделены врезными горизонтальными линиями. Горшок из п. 7 мог. Эчкиваш имеет наклонные врезные линии, которые опоясывают тулово против часовой стрелки, по направлению слева-сверху — вправо-вниз (рис. 9: 2). Сосуд из п. 26 мог. Белореченский 2 имеет два ряда насечек на горле, а тулово орнаментировано только горизонтальными врезными линиями (рис. 12: 3).

Кроме того, помимо фрагментов керамики с рассматриваемым орнаментом из поселений и погребений кобанской культуры, С.Л. Дударевым был выделен аналогичный материал из окружения и заполнения погребений мог. Белореченский 2. Исследователь считает эти находки следами тризны или других поминальных действий. Это относится к комплексам п. 14, 16, 27, 38 и 39 указанно-

го могильника (Дударев 2004: рис. 8; 11; 23: А, 1—4; 32; 33). К сожалению, подобная интерпретация разрозненных фрагментов керамики прослежена и опубликована только для одного из могильников рассматриваемого региона. Восстановить формы сосудов по мелким фрагментам не оказалось возможным. Точно так же нет возможности установить форму сосуда с аналогичным орнаментом из разрушенного погребения 1983 года на мог. Клинь-Яр III (Андреева, Козенкова 1986: 257, 258, рис. 1: 6) (рис. 13: 2).

Редкие формы сосудов. Они относятся к разным категориям и расположены очень дискретно в рамках ареала западного варианта кобанской культуры.

Чаша. Найдена среди разнообразного инвентаря в гробнице 2 мог. Терезе в Карачаево-Черкесии. В кавказской археологии сосуды подобной формы часто именуют «кубками». Это круглодонный сосуд с прямым горлом и слегка отогнутым венчиком (рис. 13: 1). По справедливому замечанию автора раскопок, это единственный экземпляр сосудов такого типа, «украшенный ногтевыми вдавлениями и горизонтальными прочерченными

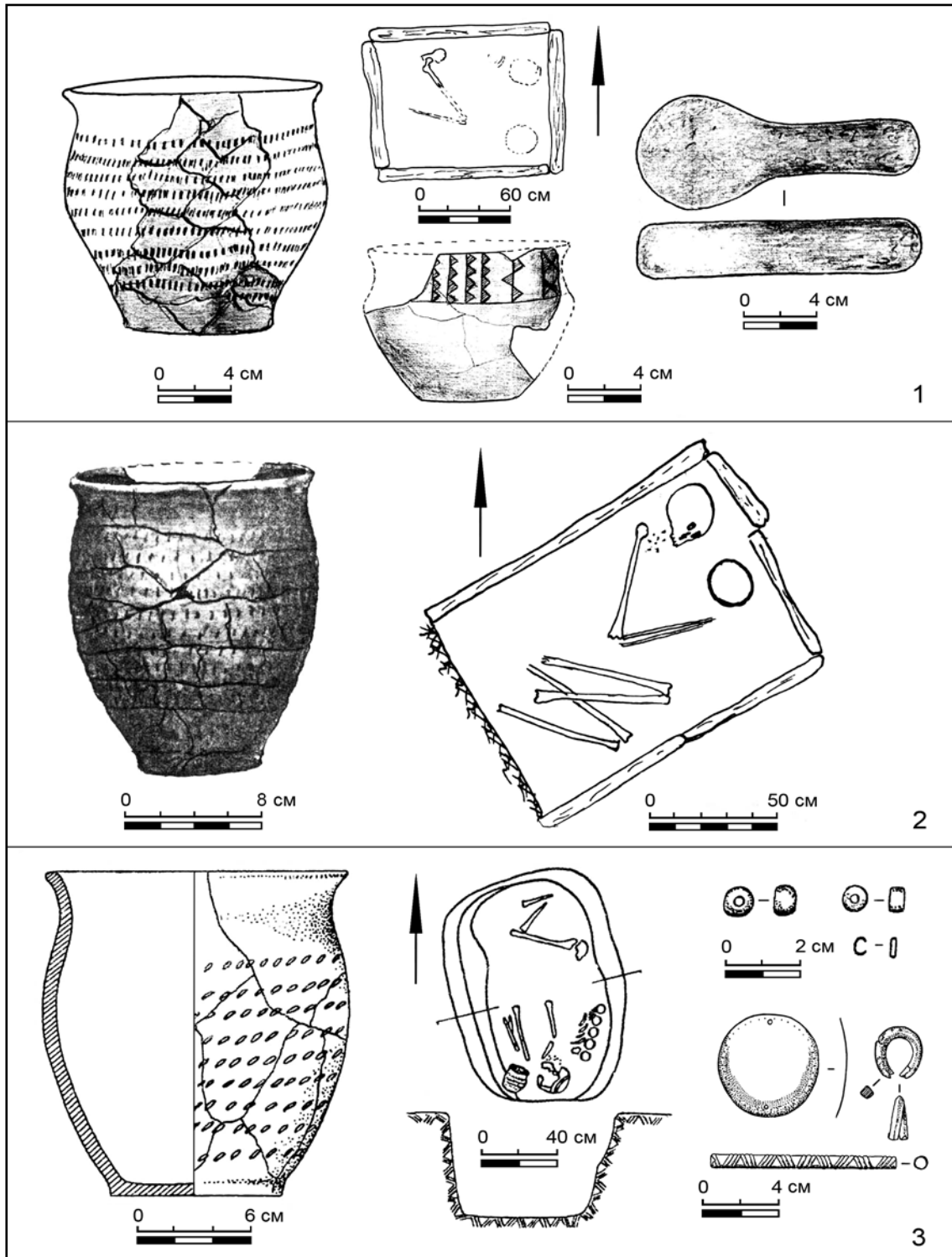

Рис. 7. Горшки, тип 1, вариант 3: 1 — Кисловодский ж.-д. вокзал, п. 1 (по Рунич 1962: 17, рис. 14: 9—11); 2 — мог. Берёзовский 5, п. 2 (по Рунич 1963: 5, рис. 3: 5; 4: 12); 3 — мог. Белореченский 2, п. 25 (по Дударев 2004: рис. 19).

Fig. 7. Pots, type 1, variant 3: 1 — bur. Kislovodsk railway station, gr. 1 (after Рунич 1962: 17, рис. 14: 9—11); 2 — bur. Berezovskiy 5, gr. 2 (after : 5, рис. 3: 5; 4: 12); 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 25 (after Дударев 2004: рис. 19).

бороздками» (Козенкова 1989: табл. XXXVIII: 14; 1998: 92, табл. XXXI: 19).

Кружка. Сосуд имеет округло-биконическую форму, узкое горло с отогнутым венчи-

ком и ручку. Рядами ногтевых насечек покрыто всё тулово до горла (рис. 13: 3). Найдена кружка в п. 20 мог. Белореченский 2 (Дударев 2004: 24, 39, рис. 15: В, 4).

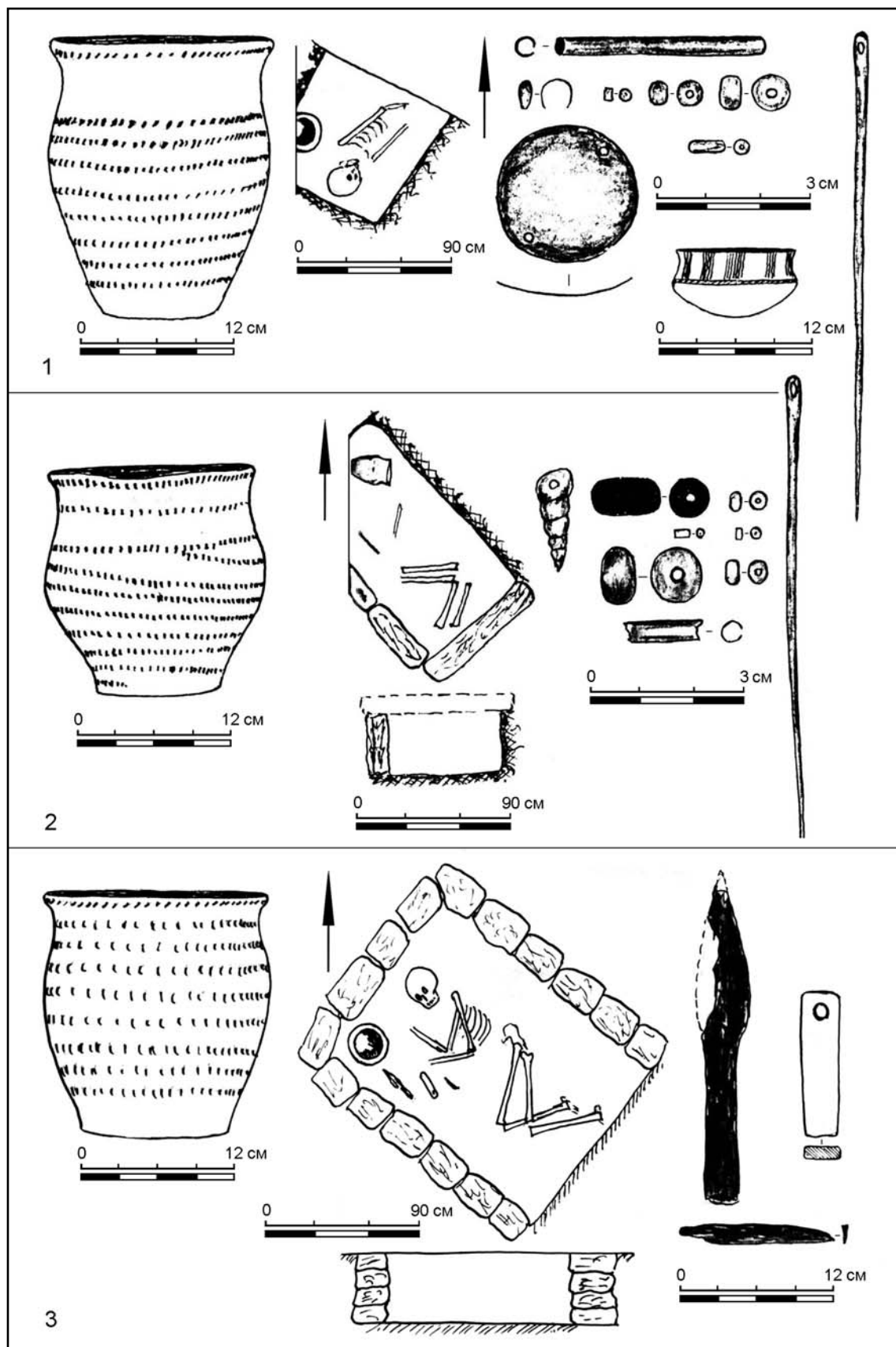

Рис. 8. Горшки, тип 1, вариант 3: могильник Кисловодской мебельной фабрики 1, 1 — п. 30; 2 — п. 32; 3 — п. 19 (по Рунич 1970: рис. 6: 1—6; 1971: рис. 7: 18—28).

Fig. 8. Pots, type 1, variant 3: burial ground Kislovodsk furniture factory 1, 1 — gr. 30; 2 — gr. 32; 3 — gr. 19 (after Рунич 1970: рис. 6: 1—6; 1971: рис. 7: 18—28).

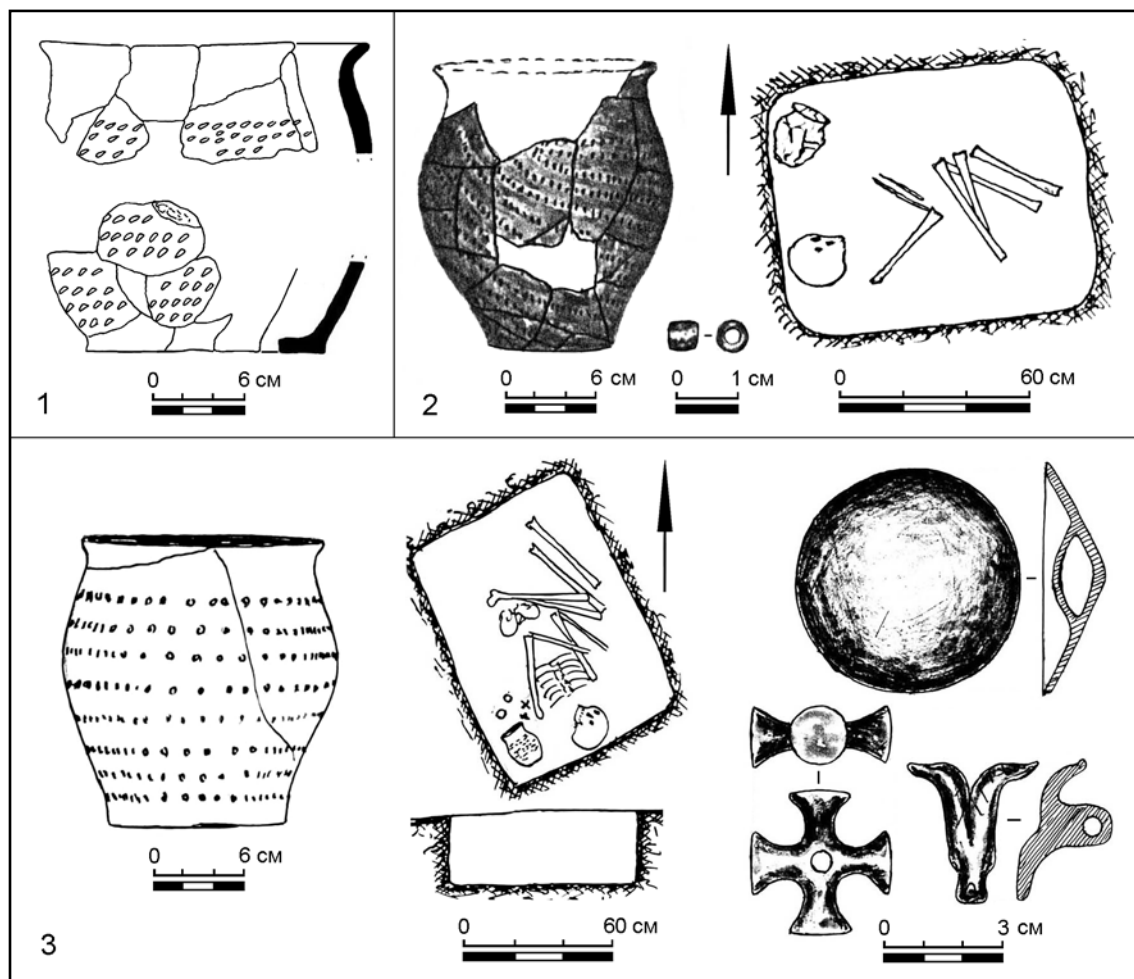

Рис. 9. Горшки, тип 1, вариант 3 (1) и вариант 4 (2, 3): 1 — поселение Кабардинка 2 (по Белинский и др. 2009: рис. 14: 8); 2 — мог. Эчкиваш, п. 7 (по Рунич 1966: рис. 25: 17—19); 3 — мог. Белореченский 2, п. 4 (по Рунич 1973: 5: 10—12).

Fig. 9. Pots, type 1, variant 3 (1) and variant 4 (2, 3): 1 — settlement Kabardinka 2 (after Белинский и др. 2009: рис. 14: 8); 2 — bur. Echkvash, gr. 7 (after Рунич 1966: рис. 25: 17—19); 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 4 (after Рунич 1973: 5: 10—12).

Находки вне ареала кобанской культуры. К этим редким находкам относятся два сходных по форме сосуда, чрезвычайно напоминающих кубки северопричерноморского облика и принципиально отличающихся от одноимённых форм кобанской культуры. Кубки эти несколько отличаются в размерах. Они имеют округлое тулово, слабо выделенное горло, венчик сильно отогнут наружу, край его округлой формы. Дно кубков плоское. Поверхность тулова до горла украшена рядами ногтевых вдавлений. Высота сосудов 10—15 см, максимальный диаметр тулова несколько больше высоты, а венчика — чуть больше максимального диаметра.

Один кубок был найден во впускном п. 1 к.14 группы Чограй IX на северо-востоке Ставропольского края (Андреева, Ульянова

1986: 122, 123, рис. 550; 551)¹. Второй сосуд происходит из впускного же п. 8 кургана 1 у с. Глиное Слободзейского района Молдовы (Фидельский, Синика 2010: 164—170, рис. 1) (рис. 14: 1, 2). Помимо упомянутого выше сосуда из впускного погребения у сел. Садовый (рис. 3: 2), это пока единственные находки в курганах степной зоны.

По форме и параметрам рассматриваемые предметы очень близки к широко распространённому в Северном Причерноморье типу столовой керамики, характерному для предскифского периода, но на их поверхности присутствует абсолютно другой орнамент по виду и способу нанесения (Тереножкин

¹ Глубоко благодарен канд. ист. наук М. В. Андреевой за разрешение использовать неопубликованный материал.

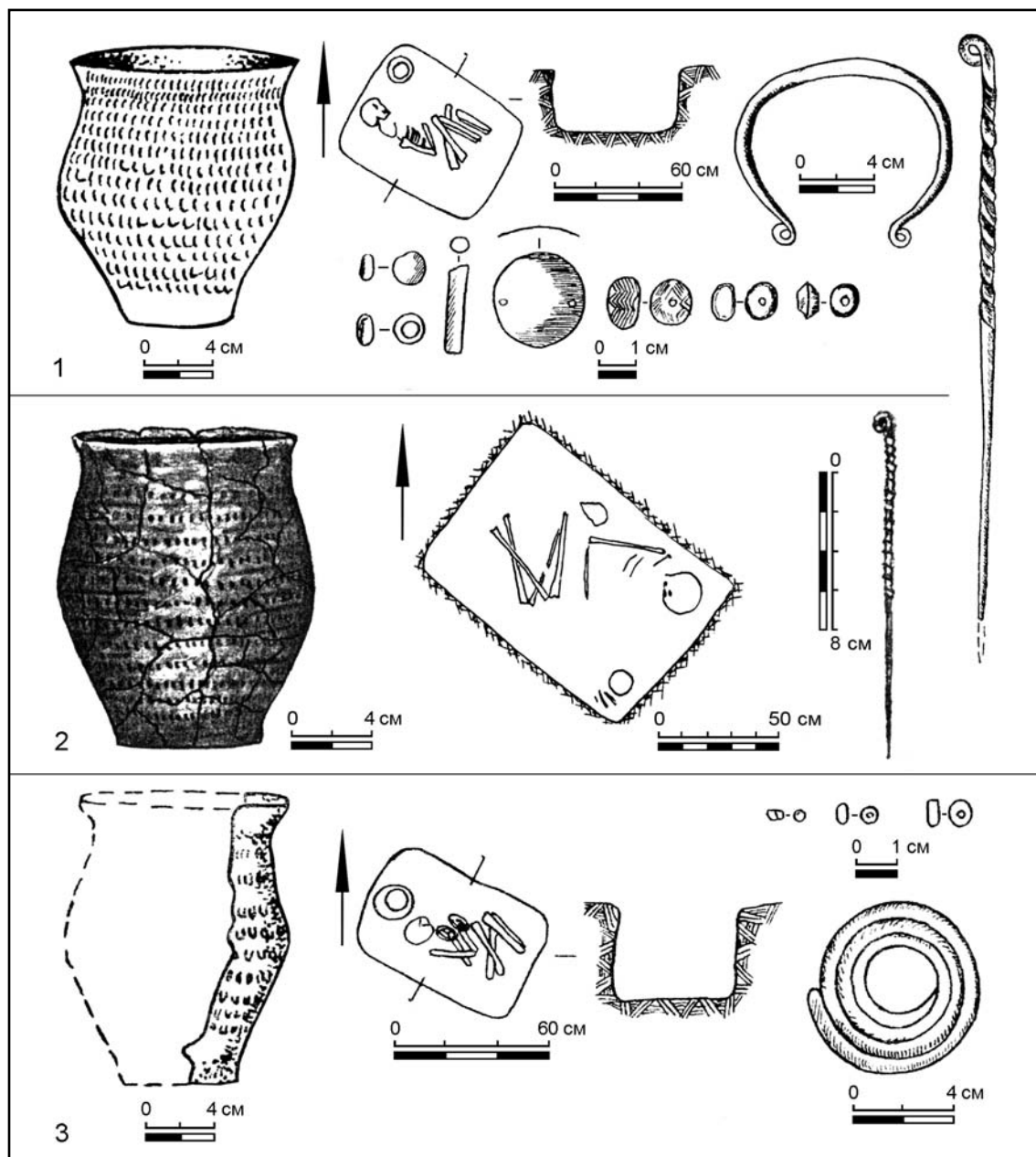

Рис. 10. Горшки, тип 1, вариант 4: 1, 3 — мог. Белореченский 2, п. 9, 10 (по Дударев 2004: рис. 4: А, 1—15; 5: А, 1—11); 2 — мог. Берёзовский 1, п. 12 (по Рунич 1963: рис. 2: 12).

Fig. 10. Pots, type 1, variant 4: 1, 3 — burial ground Belorechenskiy 2, gr. 9, 10 (after Дударев 2004: рис. 4: А, 1—15; 5: А, 1—11); 2 — bur. Berezovskiy 1, gr. 12 (after Рунич 1963: рис. 2: 12).

1976: 167—169; Махортых 2005: 72, 74, 107). Сочетание такой формы с типично кобанским орнаментом уникально и может свидетельствовать о достаточно дальних связях кобанцев с кочевниками.

Вопросы хронологии

Поскольку сами формы сосудов с рассматриваемым орнаментом различны, а комплексы с ними очень неравноценны по составу

другого инвентаря, то несомненный интерес вызывают вопросы датирования этих комплексов.

Рассматриваемые элементы орнамента и орнаментальные ряды из них встречаются на северокавказской керамике с эпохи средней бронзы (Корневский 1990: 42, 43, рис. 27: Б, 5—7; 29: 4; 30: 3; 31: 2; 32), они подобны, но не аналогичны. Сложнее обстоит дело с находками периода поздней бронзы, поскольку чётко они не выделены. Похожие орнамен-

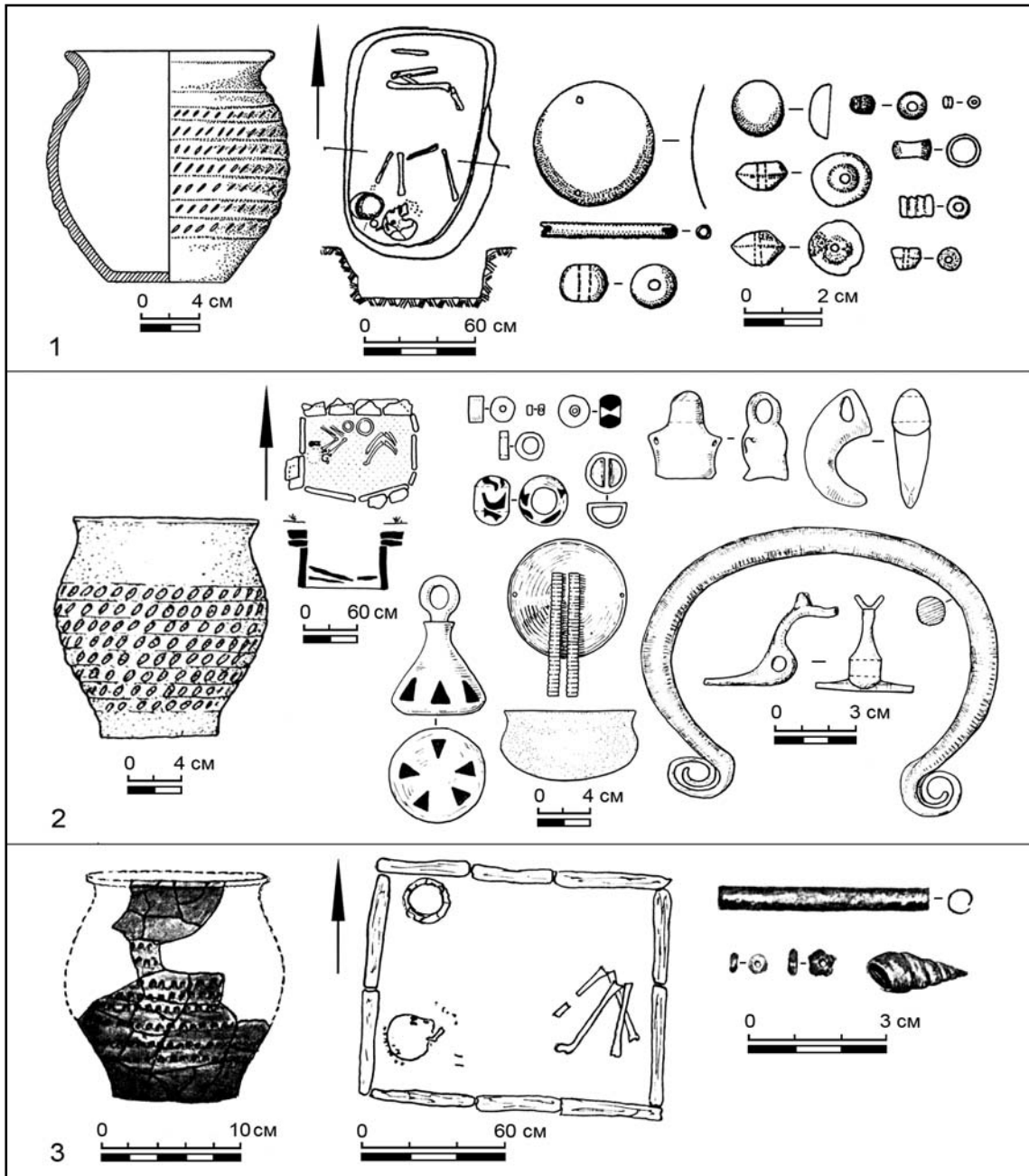

Рис. 11. Горшки, тип 1, вариант 4: 1 — мог. Белореченский 2, п. 34 (по Дударев 2004: рис. 28); 2 — мог. Индустрия 1, п. 7 (по Афанасьев, Козенкова 1981: рис. 5: 15); 3 — мог. Эчкиваш, п. 6 (по Рунич 1966: рис. 25: 11—16).

Fig. 11. Pots, type 1, variant 4: 1 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 34 (after Дударев 2004: рис. 28); 2 — bur. Industry 1, gr. 7 (after Афанасьев, Козенкова 1981: рис. 5: 15); 3 — bur. Echkivash, gr. 6 (on Рунич 1966: рис. 25: 11—16).

тальные ряды, которые сделаны «палочкой-штампом, нарезной насечкой или пальцевыми вмятинами» (Дударев 2004), ногтевыми «зарубками», «вдавнениями», из раскопок памятников начала раннего железного века представляются воплощением той же идеархетипа орнамента, но выраженным иначе и в иное время.

В работах 1980-х годов для сосудов с ногтевой орнаментацией предлагались даты в рамках конца II тыс. — 1-й пол. VIII в. до н.э.

или «не позднее 1-й пол. VIII в. до н.э.», например, для погребения 7 мог. Индустрия 1 (Афанасьев, Козенкова 1981: 168, 174, рис. 5: 15). Фрагменты подобного сосуда из разрушенного погребения мог. Клинь-Яр III (1983 г.) датировались «не позднее VIII в. до н.э.» или «в рамках IX—VIII в. до н.э., ближе к раннему периоду, нежели позднему» (Андреева, Козенкова 1986: 257, 258, рис. 1: 6), хотя форма его не реконструируется. Здесь на датировку влияла совместная находка с бронзовым

№3. 2014

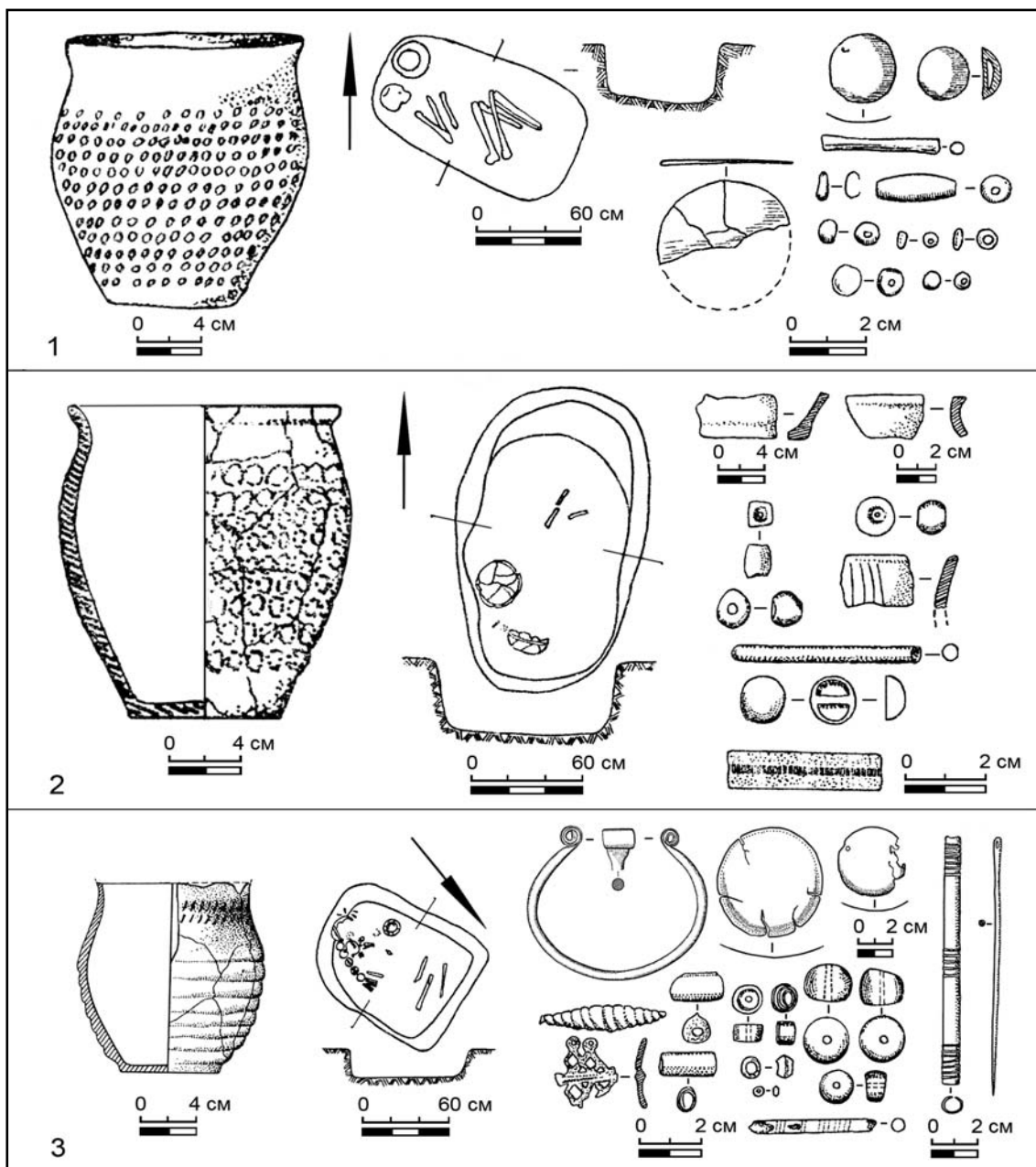

Рис. 12. Горшки, тип 1, вариант 4: могильник Белореченский 2, 1 — п. 6; 2 — п. 23; 3 — п. 26 (по Дударев 2004: рис. 3: А, 1—5; 5: В, 1—11; 20).

Fig. 12. Pots, type 1, variant 4: burial ground Belorechenskiy 2, 1 — gr. 6; 2 — gr. 23; 3 — gr. 26 (after Дударев 2004: рис. 3: А, 1—5; 5: В, 1—11; 20).

кинжалом. Рассматривая истоки происхождения сосудов с подобным орнаментом на тулове, В.И. Козенкова указывает на формы конца II тыс. до н.э., но приводит ссылки на слабо стратифицированные фрагменты сосудов, иногда и с абсолютно иными орнаментами (Козенкова 1989: 66; 1998: 90, 91, табл. XXX: 1—5).

Похоже, что определённым «прорывом» для датировок стал анализ и публикация материалов гробницы 2 мог. Терезе. В них действительно имеется уникальная находка: чаша-

кубок с ногтевыми вдавлениями (Козенкова 1989: табл. XXXVIII: 14; 1998: 92, табл. XXXI: 19). Другие находки таких сосудов этого типа с подобным орнаментом пока не известны, и чаша из комплекса может претендовать на роль одной из самых ранних, но дата гробницы — «не позднее XI в. до н.э.» (Козенкова 1998: 92) — вызывает большие сомнения. Наличие в инвентаре костяных бляшек «жирноклеевской» серии, булавок с навершиями из пяти шишечек на отростках, длинного оселка, а также обломка рукояти биметалли-

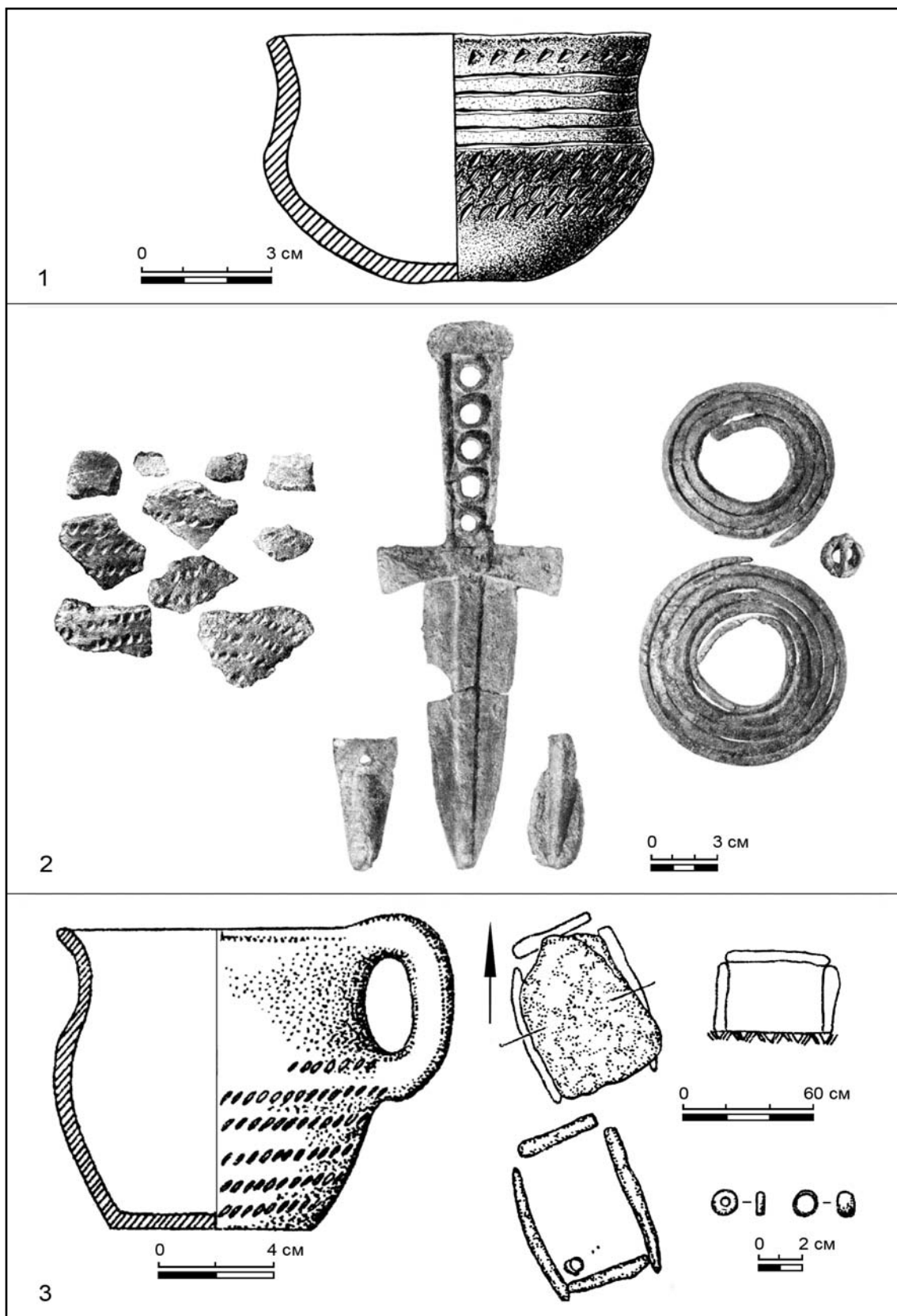

Рис. 13. Редкие формы сосудов: 1 — мог. Терезе, гробница 2 (по Козенкова 1998: 92, табл. XXXI: 19); 2 — мог. Клин-Яр III, разрушенное погр. 1983 г. (по Андреева, Козенкова 1986: рис. 1: 6); 3 — мог. Белореченский 2, п. 20 (по Дударев 2004: рис. 15: В, 4).

Fig. 13. Rare forms of vessels: 1 — bur. Tereze, tomb 2 (after Козенкова 1998: 92, табл. XXXI: 19); 2 — bur. Klin-Yar III, destroyed gr. 1983 (after Андреева, Козенкова 1986: рис. 1: 6); 3 — bur. Belorechenskiy 2, gr. 20 (after Дударев 2004: рис. 15: В, 4).

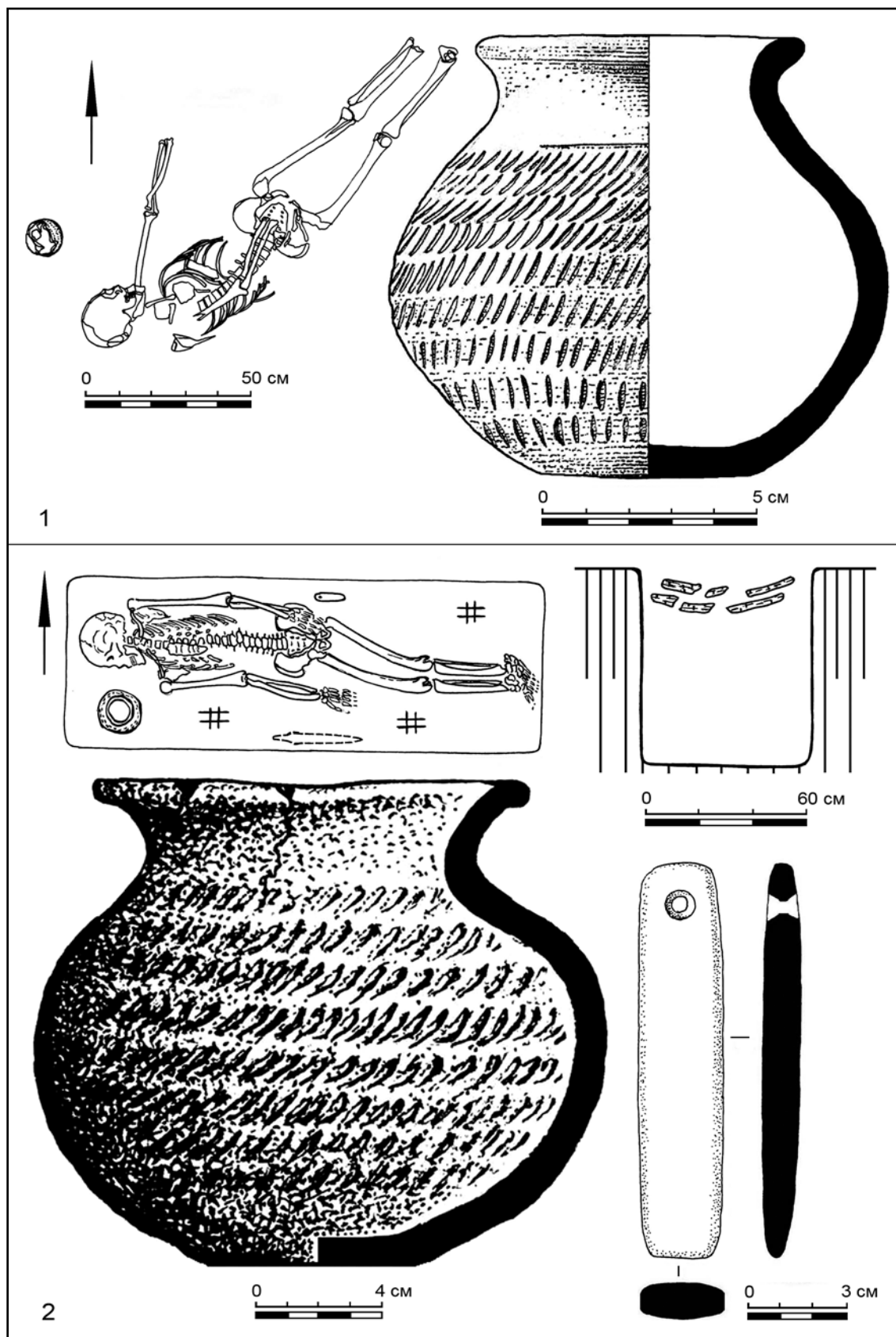

Рис. 14. Находки вне ареала кобанской культуры: 1 — мог. Чограй IX, к. 14, п. 1 (по Андреева, Ульянова 1986: 122, 123, рис. 550; 551); 2 — мог. Глиное, к. 1, п. 8 (по Фидельский, Сенина 2010: рис. 1).

Fig. 14. Koban culture artefacts found outside its main area: 1 — bur. Chogray IX, barrow 14, gr. 1 (after Андреева, Ульянова 1986: 122, 123, рис. 550; 551); 2 — bur. Glinoe, barrow 1, gr. 8 (after Фидельский, Сенина 2010: рис. 1).

ческого меча или кинжала (Козенкова 1989: табл. XXXVIII; 1995: табл. X: 12) не дают возможность выносить дату этих находок далеко за пределы конца IX — 1-й четв. VIII в. до н. э. (Вальчак и др. 1996: 23—44; Вальчак 2008: 6—25; Эрлих 2007: 159, 160), так как большинство из них характерны для кобанских и протомеотских памятников на протяжении всего VIII в. до н. э.

Не менее проблематичной является и ситуация с датировкой горшка из постройки 14 поселения Кабардинка 2 (вариант 3 или 4 предлагаемой типологии) (рис. 9: 1). Утверждая, что сосуды с подобным орнаментом «являются ведущей формой керамики IX в. до н. э. в окрестностях Кисловодска», авторы публикации тут же замечают, что его форма «для региона котловины не является типичной», ссылаясь на подборки В. И. Козенковой и ряд неопубликованных материалов (Белинский и др. 2009: 197, 198, рис. 14: 8). В то же время именно из подборки В. И. Козенковой следует, что распространение рассматриваемых вариантов орнамента и форм сосудов отмечено в бассейнах различных рек на территории западного варианта, и не только близ Кисловодска, и далеко не только для IX в. до н. э. (Козенкова 1989: 66, рис. 8; табл. III—VIII; XI; XIII—XVIII; XX; 1998: 90, 91, табл. XXXI) (рис. 8—12). Не менее странным представляется и следующий вывод: отмечая, что в помещении «ведущая форма IX в. до н. э. представлена только одним сосудом» (ничтожные 44 фрагмента из 25000 с другими орнаментами), авторы поддерживают предположение С. Райнхольд о том, «что поселение прекратило своё существование уже в начале IX в. до н. э.» (Белинский и др. 2009: 198, рис. 12—14). Но если форма уникальна среди остального материала, то она должна быть или импортом, или наиболее ранней, или наиболее поздней из остальных представленных в комплексе. Первое и второе положения не подходят, т. к. тогда эта форма не была бы ведущей для всего IX века. Логично, если среди материалов из помещения она является одной из поздних. К тому же, углеродные даты для комплекса здесь совсем не идеальный аргумент, учитывая дискуссионный характер данного метода датирования.

Какие же датировки мы можем предложить для рассматриваемых в этой статье погребальных комплексов? Наиболее информативными являются предметы вооружения и конского снаряжения, но в рассматриваемых комплексах их крайне мало, так как большинство погребений с горшками — женские, что подметил и С. Л. Дударев (Дударев 2004:

37). Действительно, из 40 проанализированных ингумационных комплексов только 13, включая 3 степных погребения, имеют «мужской» инвентарь. В остальных, помимо сосудов с орнаментом, встречены бляхи, пронизи и подвески от головных уборов и так называемых «накосников», бусы из разных материалов, булавы, гривны, браслеты, серьги и иглы — типично «женский» инвентарь, который имеет очень широкий диапазон бытования.

Рассмотрим погребения с корчагообразными сосудами. Наиболее богатый инвентарь содержит п. 4 мог. Эчкиваж (рис. 1: 1). Уздечный комплект, биметаллический кинжал и наверхние булавы уже рассматривались в специальных работах на фоне подобных изделий из других комплексов. Взаимовстречаемость этих находок позволила отнести комплекс к первому, предновочеркасскому этапу предскифского периода и датировать в рамках 1-й пол.—сер. VIII в. до н. э., но не ранее конца IX в. до н. э. (Вальчак 2008: 15, 16, 19; 2009: 71, 85, 89—93). Железные наконечники копий не могут служить основанием для точной датировки, поскольку появляются ещё на раннем этапе предскифского периода и сосуществуют с бронзовыми, количество которых заметно сокращается к 1-й пол. VII в. до н. э. (Вальчак 2003: 16, 17). К ранней группе, если признать комплекс достоверным, на основании бронзового кинжала можно отнести и разрушенное п. 1983 г. на мог. Клинь-Яр III (рис. 13: 2). Мне представляется, что датировать его можно в рамках 1-й пол. VIII в. до н. э. (Вальчак 2005: 141—143; 150—152; 156, 157). Вполне вероятно и ранняя дата, в рамках 1-й пол. VIII в. до н. э., и для п. 1 мог. Лермонтовская скала 2 (Рунич 1970: 3, рис. 3), учитывая находку здесь необычного рогового наконечника копыя и бронзового шила с костяной рукоятью (рис. 1: 2).

Ещё одним информативным комплексом является п. 17 мог. Берёзовский 1 (рис. 2: 2). Здесь сосуд тарно-хозяйственного назначения встречен с железным кинжалом «скифского» облика и трёхлопастным бронзовым наконечником стрелы. Комплекс этот, по всей вероятности, один из самых поздних и «запирает» время существования сосудов с рассматриваемым орнаментом в рамках 2-й пол. VII — 1-й пол. VI в. до н. э. (Козенкова 1998: 90). Найденные в нём предметы вооружения соответствуют инвентарю погребений из близлежащих могильников, но уже с совершенно иным набором керамических форм. В качестве примера можно упомянуть погребения 1—6 мог. Султангорский 2 (Рунич

№3. 2014

1964: 3—6, рис. 2: 5), погребения у санатория «Туркменистан» в Кисловодске и в Учкеевском кургане (Рунич 1973: 7—9, рис. 16; 17).

Погребения с орнаментированными горшками не столь информативны и имеют широкую датировку. Публикуя материалы мог. Белореченский 2, С.Л. Дударев все погребения, в инвентаре которых были обнаружены сосуды с различными вариантами рассматриваемого орнамента (14 шт.), отнёс к ранней группе могильника, датируемой в рамках VIII — 1-й пол. VII в. до н.э., лишь одно из них (п. 38) было датировано VII — нач. VI в. до н.э. (Дударев 2004: 49—51). Аналогичным образом датирует исследователь подобную керамику из слоёв поселения Подкумский мост: VIII — 1-я пол. VII в. до н.э., где также найдены фрагменты и археологически целые формы с интересующим нас орнаментом, как и с другими, очень сходными с Кабардинкой 2 и целым рядом погребальных комплексов VIII—VII вв. до н.э. (Дударев 2007: 146—167).

Исходя из присутствия в инвентаре спиральных уплощённых браслетов, которые отсутствуют в комплексах позднего этапа предскифского периода, в рамках VIII в. до н.э. можно датировать погребения 1 мог. Берёзовский 6, п. 8 и 22 мог. Берёзовский 1, п. 10 мог. Белореченский 2 (рис. 4: 1; 5: 1, 3; 10: 3). Аналогично по наличию массивных бронзовых браслетов и костяного «пряслица» можно датировать и п. 13 мог. Берёзовский 1 (рис. 5: 2). В п. 22 мог. Берёзовский 1 была найдена и достаточно ранняя орнаментированная гривна (рис. 5: 1).

Гривны с раскованными и закрученными в трубочку концами, но неорнаментированные, дают возможность датировать комплексы каменного ящика 1 мог. Каменномостский, п. 1 мог. Берёзовский 6, п. 7 мог. Индустрия 1, п. 9, 26 и 31 мог. Белореченский 2 VIII — 1-й четв. VII в. до н.э. (рис. 3: 1; 4: 1, 2; 10: 1; 11: 2; 12: 3).

Можно согласиться с мнением С.Л. Дударева, предложившего датировать п. 20 мог. Белореченский 2 в пределах 1-й пол. VII в. до н.э. (Дударев 2004: 50): этот могильник содержал кружку — тип сосуда, который более характерен для скифского времени (рис. 13: 3). Остальные из рассматриваемых погребений

могут быть датированы широко, в рамках VIII — 1-й пол. VII в. до н.э.

Для всех типов и вариантов сосудов можно заметить, что практически все они сосуществуют, хотя бы частично. Создаётся впечатление, что появление налепных волнистых валиков, неорнаментированных псевдо-валиков на тулове и горле, крупных пальцевых вдавлений более характерно для сосудов из поздних комплексов, а в ранних они единичны.

Отдельно стоит остановиться на датировке трёх степных погребений. Погребение у с. Садового, помимо орнаментированного сосуда, содержало каменный молот (рис. 3: 2). Сосуд, по мнению авторов публикации, характерен для западнокобанских форм, с чем можно полностью согласиться. Молоты же подобного типа имеют широкую датировку как в кобанских памятниках, так и в погребениях Северного Причерноморья. Таким образом, авторы датируют комплекс «не позднее середины VIII в. до н.э.» (Козенкова и др. 1997: 16, 17). Мне представляется, что и 2-ю пол. VIII в. до н.э. для этого комплекса исключать нельзя.

Дату погребений из Чограя IX и Глиного установить сложнее, так как точных аналогий подобным кубкам в кобанской культуре нет (рис. 14). В степных же памятниках подобные формы бытуют, по меньшей мере, на всём протяжении VIII и в начале VII в. до н.э., но керамика с подобным орнаментом отсутствует. Здесь важное значение имеет положение и ориентировка погребённых. Учитывая их западную ориентировку и вытянутое положение, которые в основном характерны для позднего, классического новочеркаского этапа, наиболее вероятной для этих погребений может быть дата в пределах последней четверти VIII — 1-й половины VII в. до н.э.

Безусловно, приведенные в этой статье соображения не окончательны. Рассмотренные погребения нуждаются в дальнейшем исследовании, с привлечением других комплексов и категорий инвентаря, с учётом планиграфии могильников. Несомненно то, что такая работа будет необходима для более глубокого изучения и установления хронологии погребальных и поселенческих комплексов.

Литература

- Андреева М.В., Ульянова О.А. 1986. *Отчёт о работе Арзирского отряда Ставропольской экспедиции в Ставропольском крае в 1986 году*. Архив ИА РАН. Р-1, 1986. № 11910, 11910а.
Андреева М.В., Козенкова В.И. 1986. Комплекс начала I

- тысячелетия до н.э. из урочища Клинь-Яр (Кисловодская котловина). СА (1), 253—258.
Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. СА (2), 161—177.

- Белинский А. Б., Коробов Д. С., Райнхольд С. 2009. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового — раннего железного века. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа IX*, 177—220.
- Вальчак С. Б. 2003. *Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Вальчак С. Б. 2005. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронология некоторых кинжалов и мечей предскифского периода. В: Гуляев В. И. (отв. ред.). *Древности Евразии: от поздней бронзы до раннего средневековья*. Москва: ИА РАН, 138—160.
- Вальчак С. Б. 2008. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятками округлого сечения в предскифский период (VIII—VII вв. до н. э.). *Военная археология 1*. Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Москва: Квадрига, 6—25.
- Вальчак С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.
- Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А. 1996. Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология. *ИАА 2*, 23—44.
- Гриневиц К. Э. 1951. Новые данные по археологии Кабарды. *МИА 23*, 125—139.
- Дударев С. Л. 2004. Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод. *МИАСК 3*, 16—100.
- Дударев С. Л. 2007. Поселение Подкумский Мост в г. Кисловодске. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа VII*, 146—167.
- Деген Б. Е. 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. *МИА 3*, 213—294.
- Козенкова В. И. 1989. *Кобанская культура. Западный вариант*. САИ В2—5.
- Козенкова В. И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. САИ В2—5.
- Козенкова В. И. 1996. *Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры)*. Москва: ИА РАН.
- Козенкова В. И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант*. САИ В2—5.
- Козенкова В. И. 2004. *Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев»*. Могильник Терезе конца XII—VIII в. до н. э. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа V. Москва: Памятники исторической мысли.
- Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л. 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии). *МИАР 1*. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы, 14—18.
- Корневский С. Н. 1990. *Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья*. Москва: ИА РАН.
- Маслов В. Е. 1997. *Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII—V вв. до н. э.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.
- Махортыг С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.
- Рунич А. П. 1959. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод*. Архив ИА РАН, Р-1, 1986. №2036.
- Рунич А. П. 1962. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №2454.
- Рунич А. П. 1963. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №2694.
- Рунич А. П. 1964. *Отчёт о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №2869.
- Рунич А. П. 1966. *Отчёт о археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №3251.
- Рунич А. П. 1969. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №5244.
- Рунич А. П. 1970. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №4179.
- Рунич А. П. 1971. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №4633.
- Рунич А. П. 1973. *Отчёт о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 год*. Архив ИА РАН, Р-1, №5009.
- Тереножкин А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
- Фидельский С., Синика В. 2010. Два новых степных киммерийских погребения (к вопросу о северокавказских влияниях на Юго-Восточную Европу в предскифское время). *РА VI (1)*, 164—170.
- Эрлих В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

References

- Andreeva, M. V., Ulyanova, O. A. 1986. *Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в Ставропольском крае в 1986 году (Report of the work of the Arzgirsk detachment of Stavropol expedition in the Stavropol region in 1986)*. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, 1986. № 11910, 11910a (in Russian).
- Andreeva, M. V., Kozenkova, V. I. 1986. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology) (1)*, 253—258 (in Russian).
- Afanasyev, G. E., Kozenkova, V. I. 1981. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology) (2)*, 161—177 (in Russian).
- Belinsky, A. B., Korobov, D. S., Rainhold S. 2009. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical-cultural heritage of Northern Caucasus) IX*, 177—220 (in Russian).
- Valchak, S. B. 2003. *Vooruzhenie vsadnikov i konskaia sbruiia iuga Vostochnoi Evropy v predskifskii period (Armament of horsemen and horse garment of the South of Eastern Europe in the Pre-Scythian period)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Valchak, S. B. 2005. In *Drevnosti Evrazii: ot pozdnei bronzy do ranego srednevekov'ia (Antiquities of Eurasia: from the Late*

№3. 2014

- Bronze to Early Medieval age*). Moscow: IA RAN, 138—160 (in Russian).
- Valchak, S. B. 2008. In *Voennaia arkhologiiia (Military archaeology)* 1. Moscow: Kvadriga, 6—25 (in Russian).
- Valchak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse garment in the first third of the 1st millennium BC in the South of Eastern Europe)*. Moscow: Taus (in Russian).
- Valchak, S. B., Mamontov, V. I., Sazonov, A. A. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-archaeological almanac)* 2, 23—44 (in Russian).
- Grinevich, K. E. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 23, 125—139 (in Russian).
- Dudarev, S. L. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii Severnogo Kavkaza (Materials and researches on the archaeology of Northern Caucasus)* 3, 16—100 (in Russian).
- Dudarev, S. L. 2007. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediiia Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical-cultural heritage of Northern Caucasus)* VII, 146—167 (in Russian).
- Degen, B. E. 1941. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 3, 213—294 (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 1989. *Kobanskaia kul'tura. Zapadnyi variant (Koban culture. Western variant)*. Svod arkhologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5 (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 1995. *Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kud'tury (sistemizatsiia i khronologiya). Zapadnyi variant (Armament, warrior and horse garment of the tribes of Koban culture (systematization and chronology). Western variant)*. Svod arkhologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5 (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniia i razvitiia kobanskoi kul'tury) (Cultural-historical processes in Northern Caucasus in Late Bronze and Early Iron Age (Key problems of origin and development of the Koban culture))*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 1998. *Material'naia osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant (Material basis of the everyday life of Koban tribes. Western variant)*. Svod arkhologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2—5 (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 2004. *Biritualizm v pogrebal'nom obriade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik Tereze kontsa XII—VIII v. do n. e. Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediiia Severnogo Kavkaza (Research materials on the historical-cultural heritage of Northern Caucasus)* V. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli (in Russian).
- Kozenkova, V. I., Sosranov, R. S., Cherdzhiev, E. L. 1997. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii Rossii (Materials and researches on the archaeology of Russia)* 1. *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Pre-Scythian and Scythian sites in the South of Eastern Europe)*, 14—18 (in Russian).
- Korenevskiy, S. N. 1990. *Pamiatniki naseleniia bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ia (Sites of the Bronze Age population in the Central Forecaucasus)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Maslov, V. E. 1997. *Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ia skifskoi epokhi VII—V vv. do n. e. (Scythian-time pottery of the Central Forecaucasus in 7th—5th centuries BC)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Moscow (in Russian).
- Makhortiykh, S. V. 2005. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (The Cimmericians of North Pontic Area)*. Kiev: Shliakh (in Russian).
- Runich, A. P. 1959. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kavminvod (Report on the field investigations on the Kavminvod region)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, 1986. № 2036 (in Russian).
- Runich, A. P. 1962. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kavminvod za 1962 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1962)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 2454 (in Russian).
- Runich, A. P. 1963. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kavminvod za 1963 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1963)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 2694 (in Russian).
- Runich, A. P. 1964. *Otchet o polevykh issledovaniiax po raionu Kavminvod za 1964 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1964)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 2869.
- Runich, A. P. 1966. *Otchet o arkhologicheskikh razvedkakh v raione Kavminvod za 1966 god (Report on the archaeological investigations on the Kavminvod region in 1966)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 3251 (in Russian).
- Runich, A. P. 1969. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kislovodsk za 1969 god (Report on the field investigations on the Kislovodsk region in 1969)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 5244 (in Russian).
- Runich, A. P. 1970. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kislovodsk za 1970 god (Report on the field investigations on the Kislovodsk region in 1970)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 4179 (in Russian).
- Runich, A. P. 1971. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kavminvod za 1971 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1971)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 4633 (in Russian).
- Runich, A. P. 1973. *Otchet o polevykh issledovaniiax v raione Kavminvod za 1973 god (Report on the field investigations on the Kavminvod region in 1973)*. Arkhiv Instituta arkhologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 5009.
- Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (Cimmerians)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Fidelskii, S., Sinika, V. 2010. In *Revista Arheologică* VI (1), 164—170 (in Russian).
- Erlich, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zhelezного veka. Protomeotskaia gruppa pamiatnikov (North-Western Caucasus in the beginning of the Iron Age. Proto-Meotae group of sites)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Статья поступила в номер 23 января 2014 г.

Sergey Valchak (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Sergey Valchak (Moscow, Russia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Вальчак Сергей Борисович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: valchaks@yandex.ru; valchak@newmail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia